

Что есть добродетель и как ею овладеть? (Менон. Платон)

Для решения вопроса о том, можно ли научиться добродетели, нужно сначала решить вопрос, что такое сама добродетель.

Добродетель не бывает только мужская или женская, возрастная или сословная, связанная с тем или другим положением человека или его профессией и т.д., но это некоего рода определенная сущность и идея, которые одинаково свойственны всем добродетелям и с определения которых надо начинать; такая же общая идея должна наблюдаться во всем вообще.

Добродетель – это не управление людьми, так как иначе она не была бы свойственна ни рабам, ни детям, равно как она и не просто справедливость, так как справедливость – это вид добродетели, а что такое сама добродетель, остается неизвестным.

Необходимость выдвинутого ранее условия для определения того, что такое добродетель, иллюстрируется примерами: геометрическая фигура – это не только округлость, поскольку существуют и прямые фигуры; разные цвета возможны лишь потому, что есть цвет вообще; вместо этих частных и несущественных определений гораздо существеннее было бы определить фигуру, например, как то, что следует за цветом, или как предел (границу) твердого тела, а цвет, вместе с Эмпедоклом, – как истечение фигур, хотя такого рода определения сами по себе недостаточны.

С этой точки зрения неправильно и определение добродетели как желания хорошего и способности его производить, поскольку творящие зло тоже могут считать себя творящими хорошее. Значит, добродетель – это не способность производить добро в объективном смысле, поскольку под добром можно понимать приобретение золота, серебра, славы, здоровья и т.д., а все это может быть и несправедливым; если же мы будем говорить о справедливом стремлении к добру, то справедливость опять-таки остается чем-то неизвестным. Здесь Сократ упрекает своего собеседника Менона в том, что мы сейчас называем логической ошибкой, – *retitio principii*: добродетель оказывается разновидностью добродетели, т.е. справедливостью. Следует интермедия; в ней идет речь об оцепенении, которое Сократ вызывает у собеседников своей обычной манерой критиковать традиционные представления.

Отвергнув все предыдущие частичные подходы к добродетели, страдающие ошибкой *retitio principii*, Сократ дает следующее определение: душа бессмертна, душа до своей земной жизни созерцала истину, и теперь, в своей земной жизни, вспоминая виденное, она может понимать все частичное и раздробленное, в том числе и добродетель.

Здесь следует знаменитое место, столь характерное для Платона: к основному выводу своего диалога он подводит с помощью геометрического доказательства, к пониманию которого он постепенно приводит мальчика, никогда не учившегося геометрии. При помощи простых и ясных вопросов Сократа этот мальчик – хоть и не учившийся, но хорошо понимающий в то же время, что такое квадратная фигура, – признает, что при двухфутовой стороне квадрата площадь этого квадрата равна 4 кв. футам. Когда же Сократ предлагает мальчику вычислить сторону удвоенного квадрата, то мальчик ошибочно думает, что сторона такого удвоенного квадрата тоже будет удвоена, т.е. будет равняться 4 кв. футам. Эту ошибку мальчик признает, поняв, что квадрат со сторонами, равными 4 кв. футам, был бы равен не 8, а целым 16 кв. футам. Не помогает делу, как дальше вынужден признать и сам мальчик, и увеличение двухфутовой стороны до трехфутовой, потому что площадь

квадрата с трехфутовыми сторонами равнялась бы не 8, а 9 кв. футам. Наконец, Сократ проводит диагональ в квадрате с площадью 4 кв. фута и, построив на этой диагонали новый квадрат, состоящий из четырех треугольных частей исходного квадрата с площадью 4 кв. фута, доводит мальчика до сознания, что сторона квадрата с площадью 8 кв. футов должна иметь не 4 фута и не 3 фута, но равняться размеру диагонали квадрата с площадью 4 кв. фута, которая больше 2 футов, но меньше 3 футов. А поскольку мальчика никто не учил геометрии и тем не менее с помощью наводящих вопросов Сократа он приходит к точной геометрической истине, то из этого Сократ делает вывод, что геометрические истины и вообще все подлинное знание мальчик имел еще до рождения, что виденное им до рождения точно, ясно и не подлежит никаким переменам, что душа, видевшая эти истины до рождения, бессмертна и что вопросо-ответный метод есть настоящий путь от незнания к знанию.

После столь обстоятельного изучения вопроса о знании как припоминании собеседники соглашаются, что добродетель – это знание, и если это так, то ей можно и научиться. Знание же она потому, что невозможна без понятия о добре, а все доброе творится только с умом, но никак не без ума. Точно так же и принесение пользы может считаться добродетелью только тогда, когда полезное мыслится вместе с разумом, так как неразумное полезное не может считаться добродетелью, как и все вообще, что находится в душе человека. Следовательно, поскольку разумности нужно еще обучаться, добродетель не есть дар природы.

С другой стороны, однако, это еще не значит, что добродетели в самом деле можно научиться, т.е. что она результат какой-нибудь особой науки. Врачебному делу можно научиться у врачей, сапожному – у сапожника, но для добродетели не существует учителей; в особенности таковыми нельзя считать софистов, которые сознательно развращают юношество да еще берут за это плату. Вовсе не всегда также добродетельные предки делают добродетельными своих потомков, как это видно на примерах Фемистокла, Аристиды, Перикла, Фукидида. Нельзя считать учителями добродетели и тех людей, которые то могут воспитать своих учеников в добродетели, то не могут. Таким образом, добродетель – это не дар природы и не результат обучения. Откуда же она в таком случае?

Добродетель – это результат божественного дара, или божественного жребия, который человек получает независимо от знания. Чистое знание есть результат только философского воспоминания потусторонних истин, так что добродетель, будучи знанием, в своей основе тоже является результатом этого потустороннего воспоминания. Однако такая добродетель труднодостижима, и фактически добродетельные люди руководствуются не этим точным знанием, а только правильным мнением. Это правильное мнение отличается от точного знания неустойчивостью и текучестью, а также непониманием того, что само оно возможно лишь благодаря чистому знанию, которое только и спасает его от сплошной текучести и непостоянства. Поэтому, говорит Сократ, будем руководствоваться хотя бы правильным мнением, несмотря на то что без точного знания оно ничем не отличается от пророческого или поэтического вдохновения. Крупнейшие государственные люди руководствовались именно им и ничем не отличались от пророков и поэтов; они пользовались этим божественным жребием в своей чисто государственной деятельности, вдохновляясь и в то же время ничего не понимая в своем вдохновении.